

Запись школы общины с Хулианом Карроном

Милан, 22 февраля 2017 г.

Текст: Л. Джуссани. Зачем Церковь. С. 166–176.

- *Marta, Marta*
- *Leaning on the everlasting arms*

Слава...

Veni Sancte Spiritus

Сейчас, начиная новую главу, мы не должны забывать о пути, который проделали. Мы задались вопросом о сути Церкви и оттолкнулись от наблюдения о том, что Церковь с самого начала позиционировала себя как продолжение Христа в истории. Затем мы выявили факторы, составляющие новое сознание всех тех, кто участвует в жизни Церкви. Иными словами, мы увидели, какой метод использует Бог, чтобы открыть Себя, как Он призывает определенных людей, избирает их в качестве инструмента сообщения божественного. Вот что важно: те, кто участвует в жизни Церкви, имеет отношение к этому методу. Бог использует его, Он призвал нас к участию в этой жизни, чтобы через человечность каждого из нас могло передаваться, сообщаться божественное. Текст сегодняшней школы общины начинается так: «Теперь мы должны сделать выводы из того [факта, что] Бог избирает человеческое в качестве инструмента сообщения Себя, сообщения [посмотрите, какое прилагательное употребляет Джуссани] жизненного, экзистенциального» (С. 166). Вот о чем мы должны помнить, приступая к следующей главе. Один наш друг, который находится за границей и потому не смог приехать и выступить сегодня вечером, пишет: «В этой главе говорится, что роль Церкви – роль Самого Христа, и она состоит в воспитании человека к религиозному чувству, в призыве к оптимальной позиции по отношению к проблемам жизни. Как в этом призыве усмотреть знак божественного?» Какой ответ мы видим в нашем опыте и каким образом мы достигаем сознания о том, что такой призыв есть знак божественного?

Я расскажу о маленьком эпизоде, случившемся несколько дней назад. Обычно по окончании моей утренней смены у меня остается время на быстрый перекус, после чего я должен мчаться на другой конец Милана, где я работаю во второй половине дня. На днях я стоял в кассу супермаркета, чтобы купить бутерброд, а передо мной расплачивался человек на электрическом инвалидном кресле. К его носу подходили трубки, а лицо у него было грустным. В какой-то момент я прислушался к разговору этого человека с кассиршей, с которой, по всей видимости, его связывали дружеские отношения. Она спрашивала, как его самочувствие. Он ответил, что опухоль ухудшается. Потом она поинтересовалась, почему за покупками не пришла сиделка. «Говорит, что заболела... И как мне на это отвечать? Что у меня со здоровьем все прекрасно?» Тут он расплакался. Кассирша продолжала задавать вопросы: «Неужели нет никого, кто помог бы? Внук, друг?» – «Нет, никого». Первым моим порывом было предложить ему мою помощь, однако затем я стал прикидывать и размышлять, и в итоге тот человек ушел, а я так и не сказал ему ничего. Сразу же после этого добрых пятнадцать минут я с немалой долей морализма винил себя. Потом я наконец выбрался из туннеля этих мыслей, и передо мной начала открываться другая, новая перспектива, способ смотреть на

меня, который не принадлежит мне, а является плодом пути в компании, которую постоянно составляешь мне ты и мои друзья. Я стал спрашивать себя: «Почему я, с моей склонностью к ипохондрии, вдруг ощущаю в себе перед лицом незнакомого человека зерно уверенности, отчего у меня даже возникает желание проводить его? И еще: если бы я пошел с ним, что я мог бы предложить человеку, переживающему драму болезни? Я бы помог ему с покупками, приготовил обед и, возможно, дал бы ему номер хорошего врача... Но достаточно ли этого?» Чтение школы общины освободило меня. Особенно когда отец Джуссани говорит о функции Церкви, о «благой судьбе» и об «определяющем слове» о жизни человека. Я не могу дать определение этим понятиям, мне в голову приходят только лица и факты, ясные и точные, начиная с моей личной истории до моей близкой подруги, которая, несмотря на смерть мамы, сохранила радость в глазах. Я видел, что все совершенное мной зло, боль, болезнь и даже смерть спасены, они не являются последним словом. И именно так я понимаю смысл «определяющего слова», о котором говорит отец Джуссани. Я не знаю, как это возможно, не знаю почему, но тому человеку и всему миру я могу сказать: «Не плачь, друг мой, моя и твоя жизнь заключены в великое объятие, в какой бы ситуации мы ни находились. Я понимаю, что без такого сознания было бы не по-человечески идти к тому старику и поддерживать его в нужде. Когда я вновь становлюсь зависимым от моего Отца, все упорядочивается, и поступки, пусть даже неуклюжие и полные ограничений, наполняются смыслом. Ничто из встречи с тем человеком не было потеряно, поскольку сейчас я могу молиться о нем, просить, чтобы кто-то другой составил ему компанию, раз это не удалось сделать мне. Все обнято и спасено. И может, завтра у меня появится шанс еще раз встретиться с ним. Я прочитаю отрывок из текста школы общины. «Каждый на опыте убеждается, что многие проблемы, пока мы над ними бьемся, становятся еще глубже, умножаются, вместо того чтобы рассеяться, усложняются, вместо того чтобы в простоте явить нам их подлинные истоки. Причина в том, что мы сами удаляемся от своих истоков, иначе мы смотрели бы на них таким взглядом, который выявлял бы в них конструктивную сторону, взглядом, который позволил бы принять их, или, наконец, взглядом, который был бы обращен на нас и давал бы нам силы попросить о помощи. Это был бы взгляд, устремленный к Чему-то большему, нежели отдельные проблемы, способному в любой ситуации открыть перспективу благого пути» (Ср. С. 173).

Скажи теперь в двух словах, как ты понял, что участие в жизни Церкви – знак божественного?

В первую очередь оно меняет меня.

Оно меняет тебя. Как ты это заметил?

Благодаря тому, как я повел себя в той ситуации, благодаря уверенности, о которой я рассказывал.

Кто-то мог бы не выдержать и начать корить себя за ошибку. Не то что мы должны всегда делать правильные вещи. Можно их и не делать, как видно из твоего рассказа, но уже через мгновение, под напором мыслей, когда человек начинает замыкаться в себе, он замечает в себе взгляд – плод проделанной работы, созревший в месте, в котором он находится. И у него открываются глаза, человек вновь поднимает глаза, и наступает освобождение, и он вновь становится главным героем существования. Как ты описал это? Ты сказал: «“Благая судьба” и “определяющее слово”. Я не могу дать определение этим понятиям, мне в голову приходят только лица и факты, ясные и точные». То есть сознание о самом себе как о ни к чему несводимом «я», как о личности, и о благой судьбе, о Царстве Божиим, пришло к тебе не через определения, а через лица и факты, которые вновь открыли тебе глаза. И поэтому, когда нам порой не удается поступать правильно, становится очевидно, что это Другой творит все. Именно так мы понимаем, что наше «я» невозможно умалить.

Я оканчиваю последний курс, и в прошлую среду у меня был очень серьезный устный экзамен – одно из последних испытаний, к которому я готовился на протяжении последних двух-трех месяцев. Но

все пошло плохо, и я его провалил. Однако меня поразили три вещи, перед лицом этого факта я заметил три вещи. Во-первых, перед экзаменом я вместе с одним другом пошел в мой приход, чтобы помолиться, и про себя сказал: «Так и быть, если сдам экзамен, буду целую неделю ходить на мессу каждый день».

Услуга за услугу.

Почти сразу после этого меня заваливают. В общем, можете представить себе мою реакцию – мне хотелось послать все куда подальше. Однако эта реакция длилась недолго, поскольку довольно скоро мне пришла в голову другая мысль (я сидел на полу, совершенно разбитый): «Тем более буду ходить на мессу ежедневно всю неделю, потому что если нет, то куда мне идти?!» Мое истинное желание словно выявилось еще отчетливей, а отношение, от которого я изначально зависим, словно еще больше расцвело. Во-вторых, на обеде один мой друг, который видел, как я в течение последних месяцев все время учился и готовился, казалось, был расстроен больше меня. Он сказал мне: «Какая несправедливость! Человек серьезно готовится, а результата никакого». И вот что меня в тот момент еще раз поразило: я мог бы продолжать жаловаться, а вместо этого я заметил, что занял новую позицию и как бы сказал себе: «Посмотрим, есть ли в этой ситуации что-то для меня, начиная прямо с этого мгновения, сегодня после обеда, сегодня вечером». Было удивительно, что в отличие от множества подобных ситуаций я не окончил день, когда мне этого хотелось. Как часто случалось, что все шло не так, как я себе представлял, и потому я решал, что день закончен. Последнее, что меня поразило и что «абсурднее» всего, это то, что вечером, идя спать я был странным образом доволен. Я ощущал необходимость благодарить. Я не мог не думать о незаметных событиях, о незначительных ситуациях, в которых становилось ясно, что Кто-то, у кого есть очень конкретное имя – Иисус, независимо ни от чего вновь и вновь приходил в течение дня, чтобы позвать меня, несмотря на мои ошибки, падения (по результатам экзамена я этого не заслужил). Это были очень простые вещи. Так, подруга, зная, что я не сдал, пришла, чтобы приготовить мне ужин, друг остался со мной допоздна, чтобы написать письмо и так далее. Я связываю все эти события с Тем, Кто меня призывает. И я не могу не признавать, что мой новый взгляд является плодом работы, к которой ты нас призываешь на школе общины, предлагая нам сравнивать то, о чем мы читаем, с тем, чем мы живем. Я желаю, чтобы этот метод стал по-настоящему моим, потому что сегодня у меня экзамен, а через какое-то время будет работа, семья.

Твой рассказ интересен, поскольку из него видно, что недостаточно знать правильные определения, нужно, чтобы все происходящие события, в том числе и те, из-за которых мы можем замкнуться в себе (например, когда проваливаем экзамен или когда что-то идет не в соответствии с нашим представлением о том, как правильно), становились непрерывным призывом к верному восприятию «я» и к конечной цели судьбы, то есть к Царству Божию. Именно в рамках обстоятельств жизни (не вне их, не где-то поблизости), которые постоянно нас останавливают, мы можем понять, что порождает иной взгляд. Почему? Потому что мы живем в истории. И что отсюда вытекает, согласно тексту школы общины? Что спасение рождается из правильной позиции человека по отношению к самому себе и своей судьбе. «Определяющее слово о личности отдельного человека – о нашем “я” – и о его истории не может быть ни за увлеченным самонаблюдением, ни за научным анализом, ни за различными идеологиями [которые постоянно останавливают нас]... Последнее слово о личности отдельного человека явил в истории Бог [через конкретные лица, через историю, достигшую нас; Слово сообщило Себя человеку, вочеловечившись]» (Ср. С. 166). Именно благодаря истории мы можем ответить на вопрос о том, что позволяет вновь и вновь противостоять умалению, когда случается провал на экзамене, когда все идет не так, как мне хочется или когда я не в состоянии сделать что-то, чтобы помочь одинокому человеку?» Откуда рождается такая способность? Что это за человеческая реальность, которая позволяет начинать вновь? Именно от нее нужно отталкиваться, чтобы понять

смысл слова «личность» и словосочетания «Царство Божие». Потому что именно она позволила нашему другу понять его нужду, хотя для этого и понадобилось провалиться на экзамене. Наша нужда помогает нам признавать, что Христос пришел не к здоровым, а к больным, не к тем, у кого все идет как по маслу, а к любому человеку, чтобы с ним в жизни не приключилось, и то, что, казалось бы, против нас, становится возможностью еще раз осознать, что с нами произошло. Так в чем же заключается воспитание к религиозному чувству? В том, что место, которому мы принадлежим, постоянно побуждает нас, подталкивает вперед. Место это – Церковь, заботливая мать.

Мы проводим школу общины по средам, и в прошлую среду мне совсем не хотелось туда идти.

Бывает.

Меня переполняли разные мысли, но прежде всего я злилась. Однако в конце концов я пошла, потому что понимаю, что это место для меня жизненно важно, оно обеспечивает меня основополагающим суждением. Я была рассеянной и все слова о Церкви в тот момент казались слишком далекими от меня. Вдруг мой друг сказал одну простую вещь, почти незаметную, которая не была самой важной из всего сказанного в тот вечер, но напрямую касалась того, что я переживала. Он рассказал, что дал согласие своему коллеге, и хотя со стороны это могло показаться глупостью, он точно знал, почему поступил так. Его рассказ имел непосредственное отношение ко мне именно потому, что я сказала да, когда мне этого не хотелось, и от этого злилась. Одна моя коллега в очередной раз попросила отдать часы моих занятий под ее проект, и я согласилась, лишь бы она оставила меня в покое. Потом выяснилось, что эти два часа ей нужны были, чтобы пригласить свидетельницу Иеговы, которая рассказала бы о холокосте. И я подумала: «Именно в мои часы! Я и сама хотела рассмотреть тему холокоста, но так, как мне хотелось». И вот слова моего друга пробудили меня. Я сказала да, но была грустной, и мне хотелось относиться к моему «да» так, как он относился к своему. Я пошла домой. Мне хотелось лучше во всем разобраться, и я решила изучить тему холокоста среди свидетелей Иеговы. Затем я попросила у моей коллеги позволить мне выступить в начале лекции. И все поменялось. Я стала главным действующим лицом происходящего. Я встретила свидетельницу Иеговы, мы познакомились и обнялись и поблагодарили друг друга за все, что каждая из нас рассказала. И я почувствовала себя свободной. Как говорилось в тексте школы общины, «зависимость от Бога возвращает меня самому себе, зависимость от Другого делает меня свободным от всех остальных» (С. 168). Я ощутила себя свободной, хотя и ответила да коллеге, которая была слишком настойчивой. Я поняла, что Церковь воплощена в человеческих лицах и достигает тебя в друзьях, свидетельствующих тебе о существовании иного взгляда. Я поняла, что Церковь – это я, это мы, мы являемся друг для друга этой заботливой матерью. Потом, вернувшись домой, я рассказала обо всем мужу, который в тот день был рассержен на один свой класс. На следующий день он пошел в школу, подготовив для ребят прекрасную музыку, чтобы заново начать работу с ними на каком-то другом уровне. В общем, сложилась такая цепочка добра, спасение, порожденное «правильной позицией, приносящей во сто крат больше плодов». Я могу это утверждать, поскольку чувствовала себя гораздо лучше.

Казалось бы, обстоятельство направлено против тебя, но оно пробудило в тебе интерес, заставило изучить тему, предложенную коллегой, чтобы сказать важные вещи и свидетельствовать об инаковом взгляде, объясняя тему холокоста. Поначалу было непонятно, как вернуться к такому взгляду, но потом друг показал тебе, что можно смотреть на все иначе. Насколько часто, когда с нами происходят подобные истории, мы признаем в человеческом божественное? Как часто в таких случаях мы замыкаемся в себе – каждый в собственной мере. Когда же происходит по-другому, все распахивается перед нами, мы признаем положительное, а остальное предаем Божьему милосердию. Взгляд, о котором нам свидетельствовал отец Джуссани, который буквально достиг нас, переходя от человека к человеку, и который мы вдруг замечаем в себе, связан с заботой Церкви о нас, о том, чтобы научить

нас смотреть таким образом. И это не означает, что потом мы уже не должны ничего делать. Тебе было бы проще провести урок так, как ты его задумала, а не изучать новые для тебя стороны этой темы. Однако сложившаяся ситуация пробудила тебя и позволила войти в отношение с приглашенной свидетельницей Иеговы и с ребятами с новым взглядом, который рождается от Другого, взглядом, который поразительным образом освобождает нас, освобождает, позволяя нам даже согласиться с необходимостью отрыва. Прочитаю одно письмо, в котором говорится, что становится возможным благодаря правильной позиции. «Меня поразил отрывок, в котором говорится, что “правильная позиция может также подразумевать отрыв от собственной точки зрения или от того кусочка жизни, к которому ты привязался, как если бы он был все для тебя; но если такой отрыв происходит, он порождает новое, истинное богатство, новое, истинное обладание вещами и чувствами”. Мне тридцать пять лет, я медсестра и вот уже пять лет живу одна. В отличие от того, что «стандартные каноны» предусматривают для женщины моего возраста, я не замужем и у меня нет детей. Если быть до конца откровенной, то у меня даже жениха нет. Больше всего в моем опыте меня поражает то, что я не вижу тут проблемы, нуждающейся в разрешении или обстоятельства, которое необходимо поменять, чтобы я могла стать счастливой. Без пути, который все больше помогает мне открывать саму себя и наслаждаться всем, что есть в моей жизни, даже если бы я нашла мужа, в этом не было бы для меня никакого интереса! Путь, по которому я иду вместе с вами, помогает мне исходить из того, что есть, а не из того, чего нет [так мы освобождаемся от всех наших идей, от меры, который мы сами себя меряем]. Я рада, что кто-то на протяжении двадцати лет все больше и больше сопровождает меня. Все остальное – проект, который находится не в моих руках [то есть ты можешь довериться Другому]. Глядя на опыт подруг, моих ровесниц, живущих в такой же точно ситуации, я осознаю, что вовсе не само собой разумеется, что ты не поддаешься тревоге по поводу жизненных планов, которые могут и не осуществиться. И поэтому для меня еще очевиднее, что не я сама произвожу мою радость. И за это я глубоко благодарна. Я не знаю, что Бог задумал для меня, но спокойно вверяю себя Ему». Каким же опытом веры должен обладать человек, чтобы быть настолько свободным, чтобы быть в состоянии принять подобный «отрыв»? Речь идет не об одних только наших стараниях и усилиях, о чем-то, что человек может осуществить собственными силами, – это очевидно. Вот подтверждение того, что божественное проходит – по-настоящему проходит – через человеческое. И так человек осознает всю полезность веры в столкновении с различными жизненными обстоятельствами, которые не он сам себе выбрал, как в этом случае. И мы видим разницу в позиции того, кому посчастливилось быть причастным такому месту, как Церковь, и других людей в одной и той же ситуации. Все мы видим разницу и признаем полезность веры при столкновении с жизнью.

Работа над текстом школы общины и над твоим интервью для испанского ежедневного издания очень помогли мне лучше узнать саму себя и окружающую меня реальность. В частности, я замечаю, что среда и нынешний культурно-исторический контекст, главной характеристикой которых является крах очевидностей, свойственный, как ты нам постоянно напоминаешь, для перемены эпохи, – это пространство, где я на опыте убеждаюсь в том, что только мои вера и призвание действительно мне соответствуют, ведь они освещают все, в том числе и те аспекты, которые я вполне естественным образом проигнорировала бы. И тогда рождается благодарность – даже в моменты, когда она могла бы показаться невыносимой. В интервью ты говоришь: «Единственный, кто не боится взглянуть в лицо желаниям во всей их мощи – это христианин. Христос вглядывается в глубины человеческого сердца и обнимает его, Он видит, что твое сердце столь велико, что лишь Тайна, ставшая плотью, соответствует ему». Как говорится в главе, Церковь (а значит, и я) существует, чтобы учить нас этому. За этот месяц у меня набралось множество примеров, связанных, прежде всего, с работой, но мне особо хотелось бы рассказать об одном. Во время ночной смены к нам поступил молодой мужчина с остановкой кровообращения. К сожалению, нам не удалось его спасти, и, как всегда происходит в таких ситуациях, наступает тягостный момент, когда ты должен встретиться с родными и сообщить

им, что их близкий человек скончался. В больнице была жена пациента, очень молодая женщина, которую сопровождал сосед. Узнав, что случилось, она произвольно начала кричать, обращаясь к умершему мужу: «Ты обещал, что никогда не оставишь меня!» Я тут же подумала: «Кто может такое обещать?» Из людей – никто. Но Христос может, и я встретила Его и продолжаю каждый день встречать и ощущать Его близость тысячу раз на дню, начиная с наиболее явных вещей, таких как жизнь в доме, месса, школа общины, друзья, и заканчивая теми, где Он являет себя в глубине событий дня, заканчивая работой. Только благодаря отношению с Ним все прочие отношения сохраняются навсегда. Подсознательно я понимала, что хотела остаться с той женщиной, обнять ее и просить, чтобы на моем бедном лице, искаженном после десяти часов, проведенных на ногах, она могла бы прочесть слова «Не плачь», которые так часто говорятся мне. Я думала: «Господи, что с ней будет?» – поскольку, чем дольше я находилась там, тем яснее понимала, что мой ответ не должен был сводиться к решению всех ее проблем. Я сказала ей: «Он сейчас в Раю, он в покое, и будет с тобой всегда». Потом я спросила, хочет ли она увидеть тело. Она ответила да, если я буду с ней, и так мы пошли и в молчании постояли у безжизненного тела ее мужа. В конце она улыбнулась, ее лицо было более спокойным и расслабленным, больше уже не перекошенным от боли, это было лицо человека, который начинает смутно предвидеть душевный мир, пусть пока еще только как возможность. Утром, переодеваясь, чтобы пойти домой, я пересеклась с коллегой, которая попросила прощения за то, что даже не попрощалась со мной, когда все завершилось. «В таких случаях, – сказала она, – я всегда стараюсь уйти через служебные двери, чтобы не встретиться с родственниками. К счастью, есть люди вроде тебя, которые остаются. Мне это не под силу. А как у тебя получается?» Сегодня кажется невозможным такое простое действие – обнять женщину, которая только что потеряла мужа. Когда я начала изучать медицину (с тех пор прошло уже семнадцать лет), я и подумать о таком не могла. Произшедшее породило во мне безграничную благодарность за взгляд, который не является моим и который я замечаю в себе, который принадлежит Другому и который я желаю нести каждому человеку: пациенту, родственнику, коллеге, другу. Спасибо, ведь без работы, которую благодаря тебе я проделываю, я не могла бы и вообразить себе что-то подобное.

Где в том, о чем ты рассказала, в том, как ты отнеслась к той женщине, ты увидела эти два понятия, которым учат нас Христос и Церковь, – личность и Царство Божие? Почему ты смогла так отнестись к той женщине?

Прежде всего, ко мне самой так отнеслись. Это первое, что приходит в голову.

Смотрите, не надо первым делом абстрактно задумываться, что такое Царство Божие личность, нужно понять, как вошло Царство Божие и понятие личности в самую сердцевину твоего «я». Оно вошло через человечность, точка. Не будь это так, ты бы не смогла себя вести подобным образом. Это во-первых. Во-вторых, в результате возникает свидетельство, посредством которого христианство достигает других людей, живущих вокруг нас. «К счастью, есть люди вроде тебя, которые остаются, потому что я остаюсь не в силах». Твоя коллега говорит так не чтобы упрекнуть в чем-то саму себя, ее это поражает! Люди не относятся к нам как к клоунам, словно христиане – это клоуны, ломающие комедию. Нет. С удивлением твоя коллега говорит: «К счастью, есть люди, которые остаются. Как у тебя получается?» Так при нашем участии вновь пробуждается личность, вновь пробуждается любопытство. Как потом люди поступят с этим любопытством, это уже их дело, их и Тайны. Но мы постоянно видим, что Тайна доносит нас восприятие личности как чего-то не поддающегося умалению и представление о благой судьбе (особенно когда кто-то умирает) через человечность. Я не знаю, что потом будет делать вдова, встретится ли она с другими свидетелями, устроит ли христианские похороны, но она уловила способ, с помощью которого христианство достигло ее в тот момент, когда все вокруг рушилось. Ничто не может помешать тому, чтобы этот взгляд через нашу бедную человечность достигал тебя в силу

явленной нам благодати. Это и есть несводимость нашего «я» к чему-то меньшему, которая наполняет нас благодарностью.

Чуть больше месяца назад после школы общины я заметила девушку, которую раньше никогда не видела. Она была занята тем, что составляла вместе стулья и приводила помещение в порядок после встречи. В тот день была ее первая школа общины. В последующие недели я продолжила краем глаза следить за ней, и меня поражало то, с какой верностью она участвовала в школе общины. Как-то утром мы выпили кофе, провели вместе буквально пять минут, в которые она сказала мне: «Ты даже не представляешь, какую компанию вы все составляете мне». Она переживала очень тяжелый период в жизни, она не знала нас, никогда не говорила с нами, и все же утверждала такое. Я подумала о том, как часто мы меряем нашу дружбу количеством встреч, количеством разговоров с глазу на глаз. Я с той девушкой почти никогда не говорила, а она говорила, что «наша школа общины» была для нее невероятной компанией. Первый вопрос, возникший в моем сердце, был о том, что именно составляет ей компанию. И что составляет компанию – настоящую компанию – мне самой? Полная любопытства, я пригласила на ужин ее и еще нескольких человек из нашей школы общины, о которых она мне рассказывала, хотя не знала даже их имен. Она рассказывала о них, опираясь на опыт, которым эти люди поделились во время школы общины: «та женщина из поезда», «преподаватель», «девушка, забывшая банковскую карту на заправке»... Во время ужина она полностью открылась перед нами и рассказала о себе, а затем призналась, что на школе общины она начала понимать: нет ничего неправильного в том, чтобы задаваться определенными вопросами. Она говорила: «Я должна вас поблагодарить [людей, которых она видела впервые!], поскольку вы применяете веру в жизни... Я никогда ничего подобного не видела! Для меня вера всегда была вопросом религии, а где-то в стороне от нее располагалась жизнь. Для вас же они связаны воедино». Она также рассказала нам, что поначалу мало понимала на школе общины, но возвращалась домой, охваченная услышанным, словно надышавшаяся свежего воздуха, и только и думала о том, что было сказано. Когда же на ее глазах стали осуществляться слова, которые она читала, все стало понятно. «То, что со мной происходит, – точка невозврата для меня, – говорила она. – Сейчас я вижу реальность, вижу то, чего раньше не видела. Не знаю, как такое возможно, и все же это так. Когда я отвезла ее домой, она рассказала, что в последовавшие за первой школой общины недели она много раз спросила у друга, пригласившего ее, кто я такая. Он ей говорил некоторые вещи обо мне, например: «Это адвокат, о которой я тебе рассказывал», – но она продолжала спрашивать: «Кто она?» Он всякий раз добавлял какую-то деталь, но она, слыша все эти сведения, продолжала настаивать: «Да, я поняла, но все-таки кто она?» Я осталась без слов. В машине она продолжала говорить: «Тот взгляд, о котором вы говорите, те небесные глаза, о которых вы пели на моей первой школе общины, есть и у тебя, ты об этом знаешь?» По пути домой я даже выключила радио, и в памяти возник отрывок из твоего интервью: «Люди, которые встречали Иисуса и бывали с Ним, оставались настолько изумлены происшедшим, что восклицали: “Никогда мы не видели ничего подобного!”» Кто не желает жить взволнованной памятью о восклицании: «Никогда мы не видели ничего подобного»? Именно это происходило на моих глазах. Перед новой подругой я вдруг осознала, какая инаковость вошла в мою жизнь и охватила меня. И поскольку я была счастлива от этого, я была также счастлива признать, что это Он живет во мне! Вот что делает меня счастливой. Встреча с той девушкой вновь даровала мне Встречу, которая когда-то случилась со мной и продолжает случаться в моей жизни. Но мне просто жизненно необходимо признавать ее. Все мое «я» рождается из Тайны, идущей мне навстречу и позволяющей осознать, кто я такая. Когда Он входит в мою жизнь, меняется мое самовосприятие! Как же верно, что определяющее слово о моем «я» – это Слово, сообщившее Себя нам через воплощение. Я могу в течение дня гнаться за разными отдельными вещами, но лишь сознание о себе как о полной зависимости, как об отношении, зажигает мое сердце. Единственная возможная дружба между нами заключается в том, чтобы напоминать друг другу о том, благодаря

чему наше «я» является целиком и полностью самим собой, – напоминать о зависимости от Него. О том, что мы сотворены из Него. Это делает меня по-настоящему счастливой. И именно это составляло компанию нашей подруге еще до того, как она познакомилась с нами, и составляет ее и мне: она нашла место, где Милосердие стало плотью и пришло, чтобы обитать среди нас. Во мне.

Мы должны уйти сегодня отсюда, ясно осознав то, о чем ты рассказала. Повтори слова твоей знакомой, поскольку именно так мы и можем выяснить, что составляет ей компанию.

«Вы применяете веру в жизни».

Применяете веру в жизни! Что это значит? Чем была вера, с которой она сталкивалась раньше? «Для меня вера всегда была вопросом религии, а где-то в стороне была жизнь». Как это связано со школой общины, с главой, которую мы только что закончили? Божественное проходит сквозь человеческое, но оно не просто прилеплено к человечности, а именно проходит через нее, оно в самой человечности, в том, как мы живем. Цель главы – дать нам понять, в чем польза веры применительно к жизни и что значит принадлежность к Церкви, полная сознания обо всех составляющих ее факторах, в том числе и о том, что божественное проходит через человеческое. Почему оно проходит через человеческое? Примеры ясным образом говорят нам о том, что вера применяется в жизни и влияет на нее. Таким образом, следовать за Христом – значит встречать обстоятельства жизни иным, отличным от всех остальных способом. Вот о чем говорится в главе. Как связаны Церковь и земные реалии, а также человеческий путь к судьбе? Какая между ними связь, о какой новизне речь? Дело не в том, чтобы жить как все и добавлять к этому какие-то рассуждения, а в том, как наш взгляд и наше поведение свидетельствуют о том, что с нами произошло что-то необычайное. Так мы понимаем, что позволяет нам стать присутствием, что значит быть присутствием, что составляет компанию другим людям и что позволяет мне осознать самого себя, как ты сказала в конце. Почему девушка спрашивала: «Кто она?» Потому что ей не нужны были никакие определения. «Кто она?» Так в нас рождается сознание о самих себе и благодарность, о которой говорилось раньше, восприятие самих себя, делающее нас благодарными, пронизанными таким сознанием. Иными словами, мы увидели в чем польза веры применительно к проблемам жизни. Именно это нас и интересует. И если это не войдет в нашу повседневность, то от веры не будет никакого толка ни нам, ни другим. Никого не интересуют вещи, как бы наклеенные на жизнь, это касается и нас. Они начинают интересовать нас и других людей, когда проникают внутрь жизни, когда божественное являет себя в человеческом, проходит сквозь человеческое. Это видно по вызовам, которые компания бросает человеку. И он уже не нуждается ни в каком рода сентиментализме и чувствует себя в компании, а значит и свободным, благодаря вошедшей в его жизнь новизне. Потом, если получится, можно выпить кофе вместе, но если не получается, то человек остается довольным, как та девушка уже была довольна тем, что с ней произошло. И это в один прекрасный момент выражается в деталях. Мы порой думаем, что наша дружба не имеет ничего общего с деталями. Наоборот! Первый признак того, что с той девушкой произошло нечто важное, – то, как она составляла стулья и приводила в порядок помещение после школы общины. Кажется, ерунда, но именно это и отвечает на вопрос о связи веры и деталей, который мы часто задаем. Иисус говорит: «Новизна, которую Я принес, не оставляет без внимания ничего». Это не означает, однако, что все едино и нет никакой разницы. Иисус говорит: «Истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф. 5, 18–19). Расставлять стулья по местам – это морализм? Или же знак того, что новизна распространяется на все, вплоть до стульев? Или если ты влюбляешься и идешь к парикмахеру, это моралистическое действие или же влюбленность охватывает все и даже побуждает тебя привести волосы в порядок? Почему Джуссани поднимал каждую бумажку, валявшуюся на земле? Не из морализма, а потому, что для него это действие не было оторвано от истока, оно было связано

с истоком, позволяющий нам быть внимательными ко всем деталям. Поэтому нет никакого противопоставления, и, если мы сталкиваемся с чем-то ошеломительным, это не значит, что можно поступать, как нам вздумается. Наоборот. Чем отчетливей проявляется новизна, тем больше она касается всего. Как мы видим по рассказам, достаточно просто, чтобы она происходила, и это уже поражает нас. Потому что заставляет нас спрашивать: что так поразило этого человека, что заставило его интересоваться самыми мелкими деталями? Новизна, распространяющаяся на все, побуждает нас наводить порядок в доме или в зале, там, где мы находимся, поскольку она порождает в нас интерес ко всему. Она не оставляет без внимания ничего из того, к чему прикасается. И как другие могут оставаться равнодушными при виде людей, затронутых таким Божиим выбором, оказанным им предпочтением, людей, по которым видно, как вся жизнь возносится на новую высоту? Если мы живем благодарностью за случившееся с нами, то сможем свидетельствовать перед лицом всех о том, как божественная новизна проходит даже через нашу ограниченность.

Следующая школа общины состоится в среду, 22 марта. В течение блажайшего месяца будем читать вторую часть главы «Миссия Церкви по отношению к земному человеку», пункты с шестого по девятый (с. 176–183).

Приближается время Великого Поста, и мы должны спросить себя, почему Церковь каждый год предлагает нам этот литургический период? С какой целью? Какую возможность Великий Пост представляет для каждого из нас? Какой шаг требуется в связи с этим на нашем личном пути? Ответить нужно не чтобы усложнить себе жизнь, а чтобы не потерять все то, что мы услышали сегодня.

В этот период в Италии и за рубежом служатся мессы в воспоминание двух годовщин: признания Святым Престолом Братства (именно так Церковь пожелала подтвердить, что путь, по которому мы идем благ) и смерти отца Джуссани. Эту вторую годовщину мы отмечаем именно сегодня, и потому мы просим, чтобы отец Джуссани помог нам, несмотря на всю нашу ограниченность, быть верными пути, который он указал нам. Встанем и прочитаем одну молитву за него.

Слава...

Veni Sancte Spiritus